

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакция открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 1 до 2-хъ часовъ по-полудни.

Статьи, доставляемыя для помѣщенія въ текстъ газеты, должны быть за подписью и съ адресомъ автора. Статьи, доставляемыя безъ обозначенія условий, считаются безплатными и поступаютъ въ полное распоряженіе редакціи. Редакция возвращаетъ статьи только по личному востребованію и безъ всякихъ объясненій. Мелкія замѣтки уничтожаются. Статьи, принятія, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію.

АДРЕСЪ.

Редакция и контора помѣщаются на Пушкинской ул., домъ А. Бабанасова, противъ карапансара Та-машиса.

КАВКАЗЪ

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ

ОТЪ КОНТОРЫ.

Контора для приема подписки и объявленій открыта съ 9 часовъ утра до 2-хъ часовъ и отъ 6 до 8 часовъ вечера.

Плата за объявленія—за занимаемое мѣсто, по воскресеньямъ, за строку пята; на первую строчку принимается только объявленіе отъ общественныхъ и образованныхъ учреждений и частныхъ редакцій. За объявленія, требующія особаго прибавленія—по соглашенію съ конторой. За раскладку при газетѣ объявленій взимается въ семь руб. съ тысячи экземпляровъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ доставкою въ Тифлисъ. По почтѣ. По пересылкою.

На годъ. 11 р. 50 к. 13 руб. 18 руб. 40 коп.

полгода. 6 " " 7 " 10 " "

3 мѣсяца. 3 " 50 " 4 " 6 " "

1 мѣсяцъ. 1 " 50 " 1 " 75 к. 2 " "

Отдѣльные нумера по 5 коп.

Продолжается подписка на газету „Кавказъ“ съ 1-го іюля 1891 г. по 1-е января 1892 г.: для ГОРОДСКИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ 6 РУБ., а для ИНОГОРОДНЫХЪ 7 РУБ.

ОТЪ КОНТОРЫ.

Объявленія изъ Москвы, С.-Петербурга, Царства Польскаго, Остзейскаго края и изъ-за границы принимаются исключительно въ Центральной конторѣ объявленій, бывшей Л. Метцл., въ Москвѣ, Мясницкая, домъ Спиридонова.

Отъ тифлискаго реальнаго училища объявляется: Экзамены, назначенные въ 1891 г., послѣ лѣтнихъ каникулъ, ученикамъ училища, имѣютъ быть произведены по слѣдующему расписанію:

22-го августа: Законъ Божій—всѣ классы; русскій языкъ—I и V классы; нѣмецкій языкъ—III и IV классы; французскій языкъ—III и IV классы; арифметика—II и III классы; алгебра—III классъ; физика—V классъ.

23-го августа: русскій языкъ—II классъ; нѣмецкій языкъ—I классъ; алгебра—IV и V классы; геометрія—IV классъ; естественная исторія, географія и исторія—всѣ классы.

24-го августа: русскій языкъ—III и IV классы; нѣмецкій языкъ—II и V классы; французскій языкъ—III и V классы; арифметика—I классъ.

Пріемныя испытанія для вновь поступающихъ—26-го, 27-го и 28-го августа.

Переэкзаменовки и пріемные экзамены будутъ начинаться каждый разъ въ 9 часовъ утра.

Промѣны о пріемѣ дѣтей во всѣ классы училища, непримѣнно съ приложеніемъ: подлиннаго метрическаго и медицинскаго свидѣтельства, документа о званіи и фотографической карточки, принимаются къ канцеляріи училища ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, съ 11-ти час. утра до 1 часу пополудни.

Если желающій поступить въ тифлисское реальное училище обучался въ другомъ учебномъ заведеніи, то къ прошенію должно быть приложено также увольнительное свидѣтельство послѣдняго. Отъ евреевъ, кромѣ другихъ документовъ, требуется представленіе свидѣтельства о правѣ постоянного жительства въ Тифлисѣ.

Если число выдержавшихъ испытанія для поступленія въ какой-либо классъ превышаетъ число имѣющихся въ этомъ классѣ вакансій, то будутъ приняты лучшие по отбѣткамъ, изъ числа выдержавшихъ пріемные экзамены.

Дѣти, принятія въ училище, должны быть безотлагательно обмундированы по формѣ, установленной для учениковъ реальныхъ училищъ.

Ученики, не имѣющіе въ Тифлисѣ родителей или близкихъ родственниковъ, обязаны избирать себѣ квартиры только изъ числа разрѣшенныхъ училищнымъ начальствомъ.

Ученіе въ училищѣ будетъ начато 31-го августа.

Тѣ изъ вновь принятыхъ, которые не явятся въ училище 31-го августа и не доставятъ своевременно извѣщеній объ уважительности причины неявки, не будутъ включены въ списки.

3) 1.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОФИЦІАЛЬНАЯ ЧАСТЬ. Приказы по управленію Главнаго начальствующаго гражданскаго частію на Кавказѣ.

НЕОФИЦІАЛЬНАЯ ЧАСТЬ. Телеграммы (отъ Сѣвернаго телеграфнаго агентства“).

Тифлисская жизнь. Шелководъ г. Алоизи.

Отчетъ о дѣятельности благотворительнаго общества.

Кавказская жизнь. Изъ Нальчика.—Къ вопросу о переселенціяхъ.

Русская жизнь. Отъѣздъ общій запрещенъ на Какабу.—Автографъ членовъ французской эскадры.

Смѣсь.

СПРАВОЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ. КАЗЕННЫЯ И ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Фельетонъ: „Волненія молодой куропатки“.

— Краснушка! Краснушка!

Это былъ старикъ. У него были какіе-то необыкновенные глаза.

— Иди скорѣе, сказалъ онъ мнѣ, и дѣлай все то, что я буду дѣлать.

Я поспѣвала за нимъ, еще заспанная, и пробиралась, не летая и почти не прыгая, между земляными кочками, словно мышь. Мы направились къ лѣсу, я, проходя мимо домика, и замѣтила, что изъ трубы шелъ дымъ, что въ окнахъ былъ свѣтъ; передъ широко раскрытой дверью стояли охотники съ ружьями, а вокругъ нихъ прыгали собаки. Когда мы проходили, одинъ изъ охотниковъ воскликнулъ:

— Обойдемъ-ка утромъ поля, а послѣ завтрака пойдемъ въ лѣсъ!

Тогда я поняла, зачѣмъ мой старый пріятель прежде всего повелъ меня на опушку. Но сердце у меня все-таки билось, особенно при мысли о нашихъ бѣдныхъ друзьяхъ.

Вдругъ, когда мы уже подходили къ опушкѣ, собаки бросились въ нашу сторону.

— Присядь къ землѣ! сказалъ мнѣ старикъ, и самъ пригнулся къ землѣ.

Въ это время, въ десяти шагахъ отъ насъ, испуганная перепелка, широко раскрывъ клювъ и растопыривъ крылья, взлетѣла на воздухъ съ дикимъ крикомъ. Я услышала страшный трескъ, затѣмъ насъ окружило облако бѣлой пыли какого-то страннаго запаха и совершенно темной, хотя солнце только что встало. Я такъ испугалась, что больше не могла бѣжать. Къ счастью, мы входили въ лѣсъ. Мой пріятель притаился за маленькимъ дубкомъ; я усялась рядомъ съ нимъ, и, спрятавшись тамъ, мы высматривали изъ-за листьевъ.

Въ полѣ шла ужасная стрѣльба. При каждомъ выстрѣлѣ я закрывала глаза, совершенно ошеломленная; потомъ, когда я рѣшалась открыть ихъ, я видѣла большую и голую равнину, по которой бѣгали собаки, обнюхивая всякую травку, хоросты, и вертѣлись, какъ безумныя. За собаками слѣдовали охотники, которые звали ихъ, брали ихъ; ружья бѣсноты на солнцѣ. Разъ мнѣ показалось, что изъ маленькаго облака дыма посыпались листья,—хотя кругомъ не было ни одного дерева. Но мой старый товарищъ сказалъ мнѣ, что это были перья; и дѣйствительно, въ ста шагахъ отъ насъ упала въ борозду великолѣпная сѣрая куропатка, откинувъ назадъ свою окровавленную голову.

Когда солнце стало грѣть очень сильно и поднималось высоко, стрѣльба вдругъ прекратилась. Охотники снова направились къ маленькому домику, въ которомъ уже разведенъ былъ большой огонь. Они разговаривали между собою, положивъ ружья на плечо, спорили о выстрѣлахъ, а собаки ихъ шли сзади, измученныя, съ высунутымъ языкомъ.

— Они идутъ завтракать, сказалъ мой товарищъ,—послѣдую имъ прѣмѣру!

И мы отправились на гречиху; это было большое поле, простиравшееся бѣлыми цвѣтами и зернами, рдѣвшимъ съ лѣсомъ; отъ него пахло миндалемъ. Красивые фазаны съ темнокрасными перьями кавали зерна, постоянно наклоняя свои головы съ красными гребешками, чтобы ихъ не увидали. О! они были на этотъ разъ гораздо менѣе горды, чѣмъ обыкновенно. Во время завтрака они расправлялись насъ, не погибли-ли одинъ изъ фазановъ. Между тѣмъ, завтракъ охотниковъ, сначала молчаливый, становился все болѣе и болѣе шумнымъ; мы слышали, какъ они чокались стаканами и откупоривали бутылки. Старикъ находилъ, что пора намъ вернуться въ наше убѣжище.

Лѣсъ въ это время словно заснулъ. Въ маленькомъ болотцѣ, куда сходился на водопой косяки, тишина ничѣмъ не возмущалась. Въ зародкѣхъ для кроликовъ, изъ бороздочекъ травы не выглядывало ни одной мордочки. Чувствовалось только какое-то таинственное волненіе, точно каждый листъ, каждая былина скрывали что-то живое, которой грозна опасность. Лѣсной дичи есть гдѣ спрятаться—и въ норахъ, и въ кустарникѣ, и въ хворостѣ и, наконецъ, въ канавкахъ—въ этихъ маленькихъ лѣсныхъ канавкахъ, гдѣ послѣ дождя такъ долго сохраняется вода. Признаюсь, я ждала находиться въ глубинѣ одного изъ этихъ убѣжищъ, но мой товарищъ предпочиталъ оставаться на открытомъ мѣстѣ, видѣть далеко вокругъ и чувствовать, что ему ничто не преграждаетъ свободы. И это было хорошо, такъ какъ охотники входили въ лѣсъ.

О! никогда не забуду лишь этого перваго выстрѣла въ лѣсу, который пробилъ насъ сквозь листья, какъ апрѣльскій градъ, и оставилъ сады на корѣ. Черезъ дорогу перебѣжалъ кроликъ, обрывая пучки травы своими когтями. Съ каштановаго дерева скатилась бѣлка, и за нею посыпались нѣсколько зеленыхъ каштановъ. Тяжело пролетѣло два или три жирныхъ фазана; зашумѣло въ нижнихъ вѣтвяхъ, въ сухихъ листьяхъ, и движеніе воздуха, происшедшее отъ выстрѣла, разбудило, вслушало все живущее въ лѣсу. Полевые мыши забились въ свои норки. Жуки-рогачи, выйдя изъ дупла этого дерева, къ которому мы прижались, въ ужасѣ выкатили свои голые, остановившіеся глаза. Во всѣ стороны метались голубая стрелка, шмелецъ, бабочки и другія маленькія животныя... Одинъ маленький кузнечикъ съ ярко-красными крыльшками сѣлъ около самаго моего косяка; но я сама была слишкомъ испугана, чтобы воспользоваться его страхомъ.

Старикъ-былъ все такъ же спокоенъ. Вынимательно прислушиваясь къ даю и къ выстрѣламъ, онъ дѣлалъ мнѣ знакъ, когда они приближались, и мы шли дальше, гдѣ не могли найти насъ собаки, и приталился въ листву. Одинъ разъ, однако, я думала, что мы погубимъ: съ обѣихъ сторонъ тропинки, черезъ которую мы должны были переходить, стояло по одному охотнику. Съ одной стороны находился высокій малый съ черными бакенбардами, и при каждомъ его движеніи все на немъ звенѣло—охотничьи ножны, патронташъ, пороховница, не говоря уже о высокихъ охотничьихъ штіблетахъ съ пряжками, которые доходили до самыхъ коленъ и отъ которыхъ онъ казался еще выше. Съ другой стороны, приклонившись къ дереву, маленькій старичокъ, спокойнѣе кривяшій трубку, мигалъ глазами, точно ему хотѣлось спать. Этого старичка я не боялась; но зато какъ я боялась того большаго молотца!..

— Ты ничего не понимаешь, Краснушка, сказалъ мнѣ мой пріятель, смѣясь, и безъ всякаго страха распустивъ свои крылья, онъ пролетѣлъ у самыхъ ногъ страшнаго охотника съ бакенбардами.

Дѣло въ томъ, что охотникъ былъ такъ занятъ своими охотничьими принадлежностями, такъ любовался собою, что, когда онъ прѣислился, мы уже давно исчезли у него съ глазъ! О! если бы охотники только знали, сколько маленькихъ глазъ слѣдитъ за ними изъ кустовъ въ то время, когда имъ кажется, что они совсѣмъ одни гдѣ-нибудь въ чащѣ лѣса, сколько острыхъ язычковъ сдерживаютъ смѣхъ при видѣ ихъ неловкости!

Мы все шли впередъ. Такъ какъ мнѣ оставалось только слѣдовать за моимъ старымъ товарищемъ, я хлопала крыльями и останавливалась въ одинъ мигъ съ нимъ. Какъ сейчасъ вижу всѣ тѣ мѣста, гдѣ мы проходили: заросли для кроликовъ изъ розоваго вереска, полную норку у подножія деревца, осыпанную дубами, за которой, какъ мнѣ казалось, повсюду скрывается смерть; вижу зеленую тропинку, по которой моя мать столько разъ прогуливалась со своимъ выведкомъ при майскомъ солнцѣ, гдѣ мы прыгали и клевали красныхъ муравьевъ, которые ползли у насъ по ногамъ, гдѣ мы встрѣчали маленькихъ надменныхъ фазановъ, жирныхъ какъ цыплята, которые не хотѣли играть съ нами.

Какъ въ снѣ увидѣла я эту тропинку въ ту минуту, какъ черезъ нее перебѣгала высокая лань на тонкихъ ножкахъ, широко раскрывъ глаза и готовая прыгнуть. Потомъ увидѣла я болотце, куда куропатки сходятся по пятнадцати, по тридцати штукъ, въ мигъ поднимаясь съ полей, чтобы напиться воды и обдѣлать себя брызгами, которые скатываются съ соснящихъ перышекъ... Посреди этого болота густо росли ольховые кусты, и мы заблудились въ нихъ. Собакамъ надо было бы имѣть необычайное чутье, чтобы найти насъ тамъ. Едва успѣли мы войти туда, какъ притаились на трехъ лапахъ косяка, оставая за собою на мху красивые слѣды. Было такъ грустно глѣбѣть на нее, что я спрятала голову подъ листья; но все-таки я слышала, какъ раненое животное съ лихорадочной поспѣшностью, задыхаясь, пило изъ болота.

День приближился къ кону. Выстрѣлы удалялись и становились рѣже. По-

томъ все стихло. Охота кончилась. Тогда мы потихоньку возвратились на поле, чтобы узнать, что стало съ нашими товарищами. Проходя мимо деревяннаго домика, я увидѣла нѣчто ужасное.

На краю канавы лежали рядомъ зайчусы и маленькіе сѣрые кролики съ бѣлыми хвостиками. Лапки ихъ, сложенные смертью, словно молила о пощаду, потускнѣвшіе глаза точно плавали. Тутъ были куропатки съ подковами, какъ у моего пріятеля, и молодцы, у которыхъ, какъ у меня, былъ еще пухъ подъ перьями. Что можетъ быть печальнѣе мертвой птицы? Въ крыльяхъ всегда столько жизни! И какъ ужасно видѣть ихъ холодными и сложенными навсѣгда... Большая красивая косяка, казалось, уснула, и ея розовый языкъ высовывался изъ рта, словно для того, чтобы лизать.

Охотники были тутъ-же; они разглагольствовали убитыхъ ими животныхъ, считали ихъ и тащили въ свои сумки за окровавленными лапками, за растерзанными крыльями, безъ всякаго уваженія къ этимъ свѣжимъ ранамъ. Собаки, уже связанные, сжимали губы, какъ будто готовы были снова броситься въ кусты.

О, какъ я ихъ проклинала, какъ я ихъ ненавидѣла, и людей и животныхъ, всю эту шайку! А солнце между тѣмъ садилось, и всѣ они удалялись, утомленные, и ихъ длинныя тѣни дожили до земляныхъ кочекъ и на тропинки, мокрыя отъ вечерней росы... Но мои товарищи, ни я не рѣшались пройтись въ этотъ день нашу обычную прощальную пѣсенку.

Дорогой мы встрѣчали несчастныхъ маленькихъ животныхъ, случайно раненыхъ дробью, оставленныхъ на стѣнѣ муравьями, ползевшихъ мышей, съ запятыми мордочками, сорокъ, ласточекъ, убитыхъ на-лету и лежавшихъ на спинѣ, съ поднятыми лапками; а ночь быстро спускалась на землю—осенняя ночь, ясная, холодная и сырая. Но всего тяжелѣе было слышать у опушки лѣса, на краю луга, въ рѣчномъ тростникѣ, тревожные, печальные призывные крики, на которые не было отвѣта.

„Н. В.“

ВОЛНЕНІЯ МОЛОДОЙ КУРОПАТКИ.

(Посвящается охотникамъ).

Разсказъ Альфонса Додэ.

Вы знаете, что куропатки живутъ обществами и гнѣздятся въ бороздахъ, откуда онѣ поднимаются при малѣйшей тревогѣ и разлетаются во всѣ стороны, какъ горсть бросаемыхъ въ землю зеренъ. Наше общество веселое и многочисленное, и намъ хорошо жить на опушкѣ большого лѣса, гдѣ есть чѣмъ поживиться и гдѣ мы защищены съ обѣихъ сторонъ кустами. Съ тѣхъ поръ, какъ я оперлась и выучилась бѣгать, я чувствовала себя совершенно счастливой. Одно только меня тревожило—предстоящее открытіе охоты, о которой наши матери начинали тихонько шептаться между собою. Одинъ старый самецъ, принадлежавшій къ нашему обществу, говорилъ мнѣ по этому поводу:

— Не бойся, Краснушка,—меня называютъ Краснушкой изъ-за моихъ лапокъ и клюва рыбиною цвѣта,—не бойся, Краснушка. Въ день открытія охоты я возьму тебя съ собою, и я увѣренъ, что съ тобою ничего не случится. Этотъ старый самецъ, все еще очень хитрый и бойкій, хотя на груди у него уже обозначилась «подкова» и мѣстами перья посѣдѣли. Еще въ ранней молодости онъ былъ раненъ дробью въ крыло, и такъ какъ съ тѣхъ поръ онъ сталъ нѣсколько тяжелѣе на подъемъ, онъ внимательно высматривалъ и ожидалъ время, прежде чѣмъ улетѣть, и всегда ловко избѣгаетъ опасности. Часто онъ бралъ меня съ собою къ опушкѣ лѣса. Тамъ стоитъ какой-то удивительный домикъ, противившійся къ тѣни каштановъ, безмолвный, какъ опустѣлое логовище, и всегда запечатый.

— Посмотри хорошенько на этотъ домикъ, Краснушка, говорилъ мнѣ старикъ,—когда ты увидишь, что съ крыла идетъ дымъ, когда откроются ставни и дверь, тогда намъ придется плохо. Я вѣрила ему, зная, что онъ не въ первый разъ переживаетъ открытіе охоты. Въ самомъ дѣлѣ, на другой день, рано утромъ, я слышу, какъ изъ борозды кто-то зоветъ меня шопотомъ:

— Краснушка! Краснушка!

Это былъ старикъ. У него были какіе-то необыкновенные глаза.

— Иди скорѣе, сказалъ онъ мнѣ, и дѣлай все то, что я буду дѣлать.

Я поспѣвала за нимъ, еще заспанная, и пробиралась, не летая и почти не прыгая, между земляными кочками, словно мышь. Мы направились къ лѣсу, я, проходя мимо домика, и замѣтила, что изъ трубы шелъ дымъ, что въ окнахъ былъ свѣтъ; передъ широко раскрытой дверью стояли охотники съ ружьями, а вокругъ нихъ прыгали собаки. Когда мы проходили, одинъ изъ охотниковъ воскликнулъ:

— Обойдемъ-ка утромъ поля, а послѣ завтрака пойдемъ въ лѣсъ!

Тогда я поняла, зачѣмъ мой старый пріятель прежде всего повелъ меня на опушку. Но сердце у меня все-таки билось, особенно при мысли о нашихъ бѣдныхъ друзьяхъ.

Вдругъ, когда мы уже подходили къ опушкѣ, собаки бросились въ нашу сторону.

— Присядь къ землѣ! сказалъ мнѣ старикъ, и самъ пригнулся къ землѣ.

Въ это время, въ десяти шагахъ отъ насъ, испуганная перепелка, широко раскрывъ клювъ и растопыривъ крылья, взлетѣла на воздухъ съ дикимъ крикомъ. Я услышала страшный трескъ, затѣмъ насъ окружило облако бѣлой пыли какого-то страннаго запаха и совершенно темной, хотя солнце только что встало. Я такъ испугалась, что больше не могла бѣжать. Къ счастью, мы входили въ лѣсъ. Мой пріятель притаился за маленькимъ дубкомъ; я усялась рядомъ съ нимъ, и, спрятавшись тамъ, мы высматривали изъ-за листьевъ.

Въ полѣ шла ужасная стрѣльба. При каждомъ выстрѣлѣ я закрывала глаза, совершенно ошеломленная; потомъ, когда я рѣшалась открыть ихъ, я видѣла большую и голую равнину, по которой бѣгали собаки, обнюхивая всякую травку, хоросты, и вертѣлись, какъ безумныя. За собаками слѣдовали охотники, которые звали ихъ, брали ихъ; ружья бѣсноты на солнцѣ. Разъ мнѣ показалось, что изъ маленькаго облака дыма посыпались листья,—хотя кругомъ не было ни одного дерева. Но мой старый товарищъ сказалъ мнѣ, что это были перья; и дѣйствительно, въ ста шагахъ отъ насъ упала въ борозду великолѣпная сѣрая куропатка, откинувъ назадъ свою окровавленную голову.

Когда солнце стало грѣть очень сильно и поднималось высоко, стрѣльба вдругъ прекратилась. Охотники снова направились къ маленькому домику, въ которомъ уже разведенъ былъ большой огонь. Они разговаривали между собою, положивъ ружья на плечо, спорили о выстрѣлахъ, а собаки ихъ шли сзади, измученныя, съ высунутымъ языкомъ.

— Они идутъ завтракать, сказалъ мой товарищъ,—послѣдую имъ прѣмѣру!

И мы отправились на гречиху; это было большое поле, простиравшееся бѣлыми цвѣтами и зернами, рдѣвшимъ съ лѣсомъ; отъ него пахло миндалемъ. Красивые фазаны съ темнокрасными перьями кавали зерна, постоянно наклоняя свои головы съ красными гребешками, чтобы ихъ не увидали. О! они были на этотъ разъ гораздо менѣе горды, чѣмъ обыкновенно. Во время завтрака они расправлялись насъ, не погибли-ли одинъ изъ фазановъ. Между тѣмъ, завтракъ охотниковъ, сначала молчаливый, становился все болѣе и болѣе шумнымъ; мы слышали, какъ они чокались стаканами и откупоривали бутылки. Старикъ находилъ, что пора намъ вернуться въ наше убѣжище.

Лѣсъ въ это время словно заснулъ. Въ маленькомъ болотцѣ, куда сходился на водопой косяки, тишина ничѣмъ не возмущалась. Въ зародкѣхъ для кроликовъ, изъ бороздочекъ травы не выглядывало ни одной мордочки. Чувствовалось только какое-то таинственное волненіе, точно каждый листъ, каждая былина скрывали что-то живое, которой грозна опасность. Лѣсной дичи есть гдѣ спрятаться—и въ норахъ, и въ кустарникѣ, и въ хворостѣ и, наконецъ, въ канавкахъ—въ этихъ маленькихъ лѣсныхъ канавкахъ, гдѣ послѣ дождя такъ долго сохраняется вода. Признаюсь, я ждала находиться въ глубинѣ одного изъ этихъ убѣжищъ, но мой товарищъ предпочиталъ оставаться на открытомъ мѣстѣ, видѣть далеко вокругъ и чувствовать, что ему ничто не преграждаетъ свободы. И это было хорошо, такъ какъ охотники входили въ лѣсъ.

О! никогда не забуду лишь этого перваго выстрѣла въ лѣсу, который пробилъ насъ сквозь листья, какъ апрѣльскій градъ, и оставилъ сады на корѣ. Черезъ дорогу перебѣжалъ кроликъ, обрывая пучки травы своими когтями. Съ каштановаго дерева скатилась бѣлка, и за нею посыпались нѣсколько зеленыхъ каштановъ. Тяжело пролетѣло два или три жирныхъ фазана; зашумѣло въ нижнихъ вѣтвяхъ, въ сухихъ листьяхъ, и движеніе воздуха, происшедшее отъ выстрѣла, разбудило, вслушало все живущее въ лѣсу. Полевые мыши забились въ свои норки. Жуки-рогачи, выйдя изъ дупла этого дерева, къ которому мы прижались, въ ужасѣ выкатили свои голые, остановившіеся глаза. Во всѣ стороны метались голубая стрелка, шмелецъ, бабочки и другія маленькія животныя... Одинъ маленький кузнечикъ съ ярко-красными крыльшками сѣлъ около самаго моего косяка; но я сама была слишкомъ испугана, чтобы воспользоваться его страхомъ.

Старикъ-былъ все такъ же спокоенъ. Вынимательно прислушиваясь къ даю и къ выстрѣламъ, онъ дѣлалъ мнѣ знакъ, когда они приближались, и мы шли дальше, гдѣ не могли найти насъ собаки, и приталился въ листву. Одинъ разъ, однако, я думала, что мы погубимъ: съ обѣихъ сторонъ тропинки, черезъ которую мы должны были переходить, стояло по одному охотнику. Съ одной стороны находился высокій малый съ черными бакенбардами, и при каждомъ его движеніи все на немъ звенѣло—охотничьи ножны, патронташъ, пороховница, не говоря уже о высокихъ охотничьихъ штіблетахъ съ пряжками, которые доходили до самыхъ коленъ и отъ которыхъ онъ казался еще выше. Съ другой стороны, приклонившись къ дереву, маленькій старичокъ, спокойнѣе кривяшій трубку, мигалъ глазами, точно ему хотѣлось спать. Этого старичка я не боялась; но зато какъ я боялась того большаго молотца!..

— Ты ничего не понимаешь, Краснушка, сказалъ мнѣ мой пріятель, смѣясь, и безъ всякаго страха распустивъ свои крылья, онъ пролетѣлъ у самыхъ ногъ страшнаго охотника съ бакенбардами.

Дѣло въ томъ, что охотникъ былъ такъ занятъ своими охотничьими принадлежностями, такъ любовался собою, что, когда онъ прѣислился, мы уже давно исчезли у него съ глазъ! О! если бы охотники только знали, сколько маленькихъ глазъ слѣдитъ за ними изъ кустовъ въ то время, когда имъ кажется, что они совсѣмъ одни гдѣ-нибудь въ чащѣ лѣса, сколько острыхъ язычковъ сдерживаютъ смѣхъ при видѣ ихъ неловкости!

Мы все шли впередъ. Такъ какъ мнѣ оставалось только слѣдовать за моимъ старымъ товарищемъ, я хлопала крыльями и останавливалась въ одинъ мигъ съ нимъ. Какъ сейчасъ вижу всѣ тѣ мѣста, гдѣ мы проходили: заросли для кроликовъ изъ розоваго вереска, полную норку у подножія деревца, осыпанную дубами, за которой, какъ мнѣ казалось, повсюду скрывается смерть; вижу зеленую тропинку, по которой моя мать столько разъ прогуливалась со своимъ выведкомъ при майскомъ солнцѣ, гдѣ мы прыгали и клевали красныхъ муравьевъ, которые ползли у насъ по ногамъ, гдѣ мы встрѣчали маленькихъ надменныхъ фазановъ, жирныхъ какъ цыплята, которые не хотѣли играть съ нами.

Какъ въ снѣ увидѣла я эту тропинку въ ту минуту, какъ черезъ нее перебѣгала высокая лань на тонкихъ ножкахъ, широко раскрывъ глаза и готовая прыгнуть. Потомъ увидѣла я болотце, куда куропатки сходятся по пятнадцати, по тридцати штукъ, въ мигъ поднимаясь съ полей, чтобы напиться воды и обдѣлать себя брызгами, которые скатываются съ соснящихъ перышекъ... Посреди этого болота густо росли ольховые кусты, и мы заблудились въ нихъ. Собакамъ надо было бы имѣть необычайное чутье, чтобы найти насъ тамъ. Едва успѣли мы войти туда, какъ притаились на трехъ лапахъ косяка, оставая за собою на мху красивые слѣды. Было такъ грустно глѣбѣть на нее, что я спрятала голову подъ листья; но все-таки я слышала, какъ раненое животное съ лихорадочной поспѣшностью, задыхаясь, пило изъ болота.

День приближился къ кону. Выстрѣлы удалялись и становились рѣже. По-

